

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-94-102

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ МИР ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНЫХ ПАЦИЕНТОВ В ИЗОБРАЖЕНИИ РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ВРАЧЕЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. П. ЧЕХОВА И ЛУ СИНЯ)

Нин Шилэй*Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне**518172, г. Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюеюань, д. 1, Китайская Народная Республика**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Сопоставление художественных средств изображения психически больных героев в произведениях русского писателя А. П. Чехова и китайского писателя Лу Синя для выявления типологии изображения искажённого мира больного сознания.

Процедура и методы. В работе рассматриваются художественные приёмы в текстах писателей-врачей. Мир психически больных пациентов считается важной темой в их творчестве. Анализируется роль опыта профессионального врача в создании образов психически больных героев. Для этого используются методы обобщения и поиска интертекстуальных связей с произведениями русской и китайской литературы.

Результаты. В текстах этих авторов сумасшествие считается видом психического заболевания, которое несовместимо с жизнью в обществе, кроме того, оно проявляется как «мания преследования», т. е. пациент напуган, взволнован и тревожен, он всегда настороже. Автор приходит к выводу, что профессиональные врачи описывают сумасшествие с точки зрения их уникального медицинского опыта, однако для писателей-гуманистов сумасшедшие оказываются разумными и честными людьми в «перевернутом мире», в котором добро и зло, разум и сумасшествие поменялись местами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обнаруженные данные позволяют расширить интертекстуальное поле произведения, включив в него некоторые медицинские темы, не учтённые предыдущими исследователями.

Ключевые слова: литература, пациент, перевернутый мир, писатель-врач, сумасшедший

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке стипендии Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

THE INVERTED WORLD OF MENTALLY ILL PATIENTS DEPICTED BY RUSSIAN AND CHINESE DOCTOR-WRITERS (BASED ON THE WORKS OF A. P. CHEKHOV AND LU XIN)

Ning Shilei*Shenzhen MSU-BIT University**Guojidaxueyuan 1, Shenzhen 518172, People's Republic of China**Lomonosov Moscow State University**Leninskye Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To compare artistic means of depicting mentally ill characters in the works of the Russian writer A. P. Chekhov and the Chinese writer Lu Xin to identify the typology of the image of the distorted world of a sick consciousness.

Methodology. The paper examines artistic techniques in the texts of doctor-writers. The world of mentally ill patients is considered an important topic in the work of doctor-writers. The role of the experience of a professional doctor in creating images of mentally ill heroes is analyzed. For this purpose, methods of generalization and search for intertextual links with works of Russian and Chinese literature are used.

Results. In the texts of these authors, insanity is considered a type of mental illness that is incompatible with life in society, in addition, it manifests itself as a “persecution mania”, that is, the patient is scared, agitated and anxious, he is always on guard. The author concludes that professional doctors describe madness from the viewpoint of their unique medical experience, but for humanist writers, crazy people turn out to be reasonable and honest people in an “inverted world” in which good and evil, reason and madness have reversed places.

Research implications. The discovered data make it possible to expand the intertextual field of the work by including some medical topics that were not considered by previous researchers.

Keywords: literature, patient, upside down world, writer-doctor, mentally ill

Acknowledgments: The study was supported by Shenzhen Municipal Government and Shenzhen MSU-BIT University.

Введение

Профессия всегда накладывает отпечаток на поведение человека, тем более профессия врача, не только потому, что доктор ежедневно имеет дело с жизнью и смертью, наблюдая зыбкую границу между ними, но и потому, что врач не может «закончить рабочий день», его могут вызвать к больному в любое время – ночью или днём, в жару и холод и т. п. Постоянное присутствие в профессии, требующей от врача сострадания и самоотдачи, влияет на человека, определяет его поведение и мировоззрение.

Известно много примеров того, как из среды врачей, т. е. лиц с медицинским образованием, вышли выдающиеся писатели (В. В. Вересаев, С. Я. Елпатьевский и др.)¹. В истории мировой литературы немало писателей – профессиональных врачей, на творчество которых профессия оказала большое влияние с точки зрения выбора темы, стилистики текста, внимания к деталям, беспристрастного и даже, как ка-

жется, отстранённого, безэмоционального описания и т. п.

Анализ литературного творчества писателей-врачей позволяет говорить об общей стилистике описания – неторопливой и как бы отстранённой, но глубоко гуманной, преисполненной сочувствием к страдающим людям. Тексты таких авторов характеризуются вниманием к деталям и объективностью изложения, ведь писатели-врачи анатомируют больной мир острым, как скальпель, пером.

Образы психически больных под пером А. П. Чехова

Писатели-врачи создают образы психически больных, опираясь на высокую профессиональную осведомлённость о болезнях, которая предоставляет им уникальную способность для описания психически больных пациентов как в психологическом, так и в социальном смысле. Под пером писателей-врачей анализируются возникновение и упадок «сумасшествия», столкновение больного с «цивилизацией», на фоне которой создаётся образ психически больных пациентов, чьё поведение об-

¹ Россолимо Г. И. Воспоминания о Чехове // Воспоминания современников об А. П. Чехове. М.: Nobel Press, 2015. С. 136.

нажает лицемерие и потерю ориентиров в культурном обществе.

Рассмотрим с этой точки зрения творчество А. П. Чехова – писателя и профессионального врача. Сам Чехов, серьёзно занимающийся литературным творчеством, считал профессию врача всё-таки более значимой для себя, определяющей мировоззрение и отношение к миру. В письме к В. В. Билибину в 1886 г. он писал: «Фамилию и свой фамильный герб я отдал медицине, с которой не расстанусь до гробовой доски. С литературой же мне рано или поздно придётся расстаться. ... Медицина, <ото>рая мнит себя быть серьёзной, и игра в литературу должны иметь различные клички...»¹. Внимательный к словам, Чехов считает, что медицина и литература кардинально отличаются, ведь литература оказывается всего лишь игрой, тогда как медицина, хоть и не всегда в состоянии помочь страдающему человеку, ни игрой, ни забавой названа быть не может.

Неудивительно, что на страницах своих произведений Чехов описывал поведение больных людей – профессия предоставляла ему нужную оптику, поэтому его описания хоть и не содержали профессиональных терминов и специальных подробностей (Чехов старался избегать врачебной терминологии в художественных текстах), изображали больного очень реалистично, без сентиментов и излишней чувствительности.

Например, Чехов изображает ранимого студента-юриста Васильева в рассказе «Припадок» и страдающего психическим заболеванием магистра Коврина в рассказе «Чёрный монах», причём Чехов-врач описывает развитие болезни и влияние лечения на состояние больного, подчёркивая изменение в психическом и эмоциональном состоянии героя. Глубокий художественный образ умирающего от туберкулеза Павла Ивановича в рассказе «Гусев» передаёт физические и моральные страдания пациента, которые Чехову не раз приходилось наблюдать в своей врачеб-

ной практике. «Разумеется, изображение больной и здоровой психики или психически больных людей никогда не было для Чехова самоцелью: это только давало ему материал для изображения современной ему действительности» [4, с. 117].

Среди произведений А. П. Чехова о психически больных пациентах наиболее известна повесть «Палата № 6», написанная в 1892 г., в период формирования нового периода в творчестве писателя. Палата № 6 состояла из пяти пациентов, где двое были в здравом уме и заперты против своей воли [1, с. 23]. В диалогах двух главных героев повести пациента Ивана Дмитриевича Громова и врача Андрея Ефимовича Рагина, а также в процессе превращения врача Рагина в пациента палаты № 6 Чехов показывает и критикует жестокий и тёмный перевернутый мир царского самодержавия в России.

В повести «Палата № 6» описывается пациент Иван Дмитрич Громов, страдающий манией преследования, который постоянно переживает страх ареста: «Вечером он не зажигал у себя огня, а ночью не спал и всё думал о том, что его могут арестовать, заковать и посадить в тюрьму»². Во внешнем мире Громов довольно успешен и благополучен, он работал судебным приставом и губернским секретарём, но всегда был подозрителен и испытывал необъяснимое беспокойство: «Факты и здравая логика убеждали его, что все эти страхи – вздор и психопатия, что в аресте и тюрьме, если взглянуть на дело пошире, в сущности, нет ничего страшного, – была бы совесть спокойна; но чем умнее и логичнее он рассуждал, тем сильнее и мучительнее становилась душевная тревога»³. Громов не мог избавиться от навязчивых мыслей, мучивших его, поэтому был помещён в качестве пациента, нуждающегося в лечении, в палату № 6.

Громов – искренний и умный человек, его душа жаждет справедливости и гар-

¹ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. М.: Наука, 1974. С. 196.

² Чехов А. П. Палата № 6 // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 8. М.: Наука, 1977. С. 77.

³ Там же. С. 79.

монии, он не может принять жестокость и лицемерие окружающего его мира. Любой честный и благородный поступок в «перевёрнутом» обществе воспринимается как ошибочный, непонятный, свойственный только сумасшедшим людям, а жестокость и ложь оказываются нормой. Громов рассуждает: «Да и не смешно ли помышлять о справедливости, когда всякое насилие встречается обществом как разумная и целесообразная необходимость и всякий акт милосердия, например, оправдательный приговор, вызывает целый взрыв неудовлетворённого, мстительного чувства?»¹ Громов панически боится тюрьмы, но он уже в тюрьме – в большой, но тесной тюрьме царской России.

Другим героем повести «Палата № 6» является главный врач городской больницы Андрей Ефимыч Рагин – честный, думающий, тонкий и благородный человек, близко к сердцу принимающий душевные переживания своих пациентов. Интересно отметить, что на страницах чеховских книг неоднократно появляется образ врача – Чехов описывает себя и своих коллег, ставя проблему врачебного долга и ответственности врача перед обществом.

Рагин стремится помочь своим пациентам, но сталкивается с системой, целью которой не является исцеление людей и облегчение их страданий. Вся система медицинской помощи организована так, что реальные действия врача оказываются бесполезными. Врач не в состоянии изменить положение дел в больнице, у него опускаются руки, он начинает пренебрегать своей работой: «Класть же серьёзных больных в палаты и заниматься ими по правилам науки тоже нельзя, потому что правила есть, а науки нет; если же оставить философию и педантически следовать правилам, как прочие врачи, то для этого, прежде всего, нужны чистота и вентиляция, а не грязь, здоровая пища, а не щи из вонючей кислой капусты, и хорошие помощники, а не воры... Подавляемый такими

рассуждениями, Андрей Ефимыч опустил руки и стал ходить в больницу не каждый день»². Столкнувшись с мрачной реальностью, Рагин прибегает к самообману, идёт на компромисс со своей совестью.

Общение по долгу службы с пациентом Громовым пробуждает его совесть и разум: «Иван Дмитрич с блестящими глазами поднялся и, протягивая руки к окну, продолжал с волнением в голосе: – Из-за этих решёток благословляю вас! Да здравствует правда! Радуюсь!»³ Рагину было интересно и приятно общаться с Громовым, рассуждения человека, считавшегося официальной медициной сумасшедшим, занимали его. Коллеги-врачи сочили этот интерес и поддержку достаточными для того, чтобы объявить самого Рагина сумасшедшим и поместить в палату № 6.

Рагин рассуждает: «– Да, болен. Но ведь десятки, сотни сумасшедших гуляют на свободе, потому что ваше невежество неспособно отличить их от здоровых. Почему же я и вот эти несчастные должны сидеть тут за всех, как козлы отпущения? Вы, фельдшер, смотритель и вся ваша больничная сволочь в нравственном отношении неизмеримо ниже каждого из нас, почему же мы сидим, а вы нет? Где логика?»⁴ Нет справедливости, нет верно поставленного диагноза, миром правит случайность: «Кого посадили, тот сидит, а кого не посадили, тот гуляет, вот и всё. В том, что я доктор, а вы душевнобольной, нет ни нравственности, ни логики, а одна только пустая случайность»⁵. Чехов подробно и детально описывает разговор между Громовым и Рагиным, чтобы показать, как думающий честный человек не находит оправдания и разумного основания устройства окружающего мира, разоблачает несправедливость, жестокость и уродливость общественного устройства, в результате чего его действия и слова воспринимаются как поведение безумного.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же.

¹ Чехов А. П. Палата № 6 // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Т. 8. М.: Наука, 1977. С. 78.

В разговорах с пациентом Грозовым Рагин приходит к выводу о несправедливости и лживости окружающего мира, в котором жизнь человека зависит от множества случайностей и может прекратиться в любой момент [5, с. 381]. «Перевернутый» мир оказывается враждебным мыслящему честному человеку, этот мир меняет местами разумных и сумасшедших, потому что безропотно принимающие его считаются здоровыми, а честные и сострадающие, жаждущие полезной осмысленной деятельности, выглядят безумными. Его сознание отказывается принять этот вывод, он не может найти объяснение и утешение.

В «перевернутом» социальном мире честные, деятельные и думающие люди воспринимаются сумасшедшими из-за нежелания приспособиться к уродливому общественному устройству. Сумасшествие становится единственно возможным способом существования порядочных людей. Глубоко сочувствующие люди с тонкой душевной организацией не могут приспособиться, пойти на сделку со своей совестью, их здравомыслие и душевная чуткость воспринимаются окружающими как безумие.

В произведении Чехова Иван Дмитрич Грозов и Андрей Ефимыч Рагин – «психически-больные» пациенты – погибли в палате № 6, не выдержав условий жестокого мира. Их сумасшествие в условиях царской России стало показателем честности и чуткости, маркером стремления к справедливости, добру и правде. Французский философ Мишель Фуко писал в книге «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху»: «безумие и безумец становятся важнейшими персонажами этой культуры – во всей своей двойственности: они несут в себе и угрозу, и насмешку, и головокружительную бессмыслицу мира, и смехотворное ничтожество человека» [6, с. 31].

Сумасшедшие герои в произведениях писателя-врача Лу Синя

Творчество Чехова хорошо известно читательской аудитории Поднебесной, его стилистика, манера описания жизненных

ситуаций, характеров героев и т. п. оказали глубокое влияние на многих китайских писателей-врачей. Именно таким автором – профессиональным врачом – является китайский писатель Лу Синь.

Лу Синь открыл дверь в огромный мир художественного описания человеческой природы и устройства общества в контексте вопросов жизни и смерти, страдания и сострадания. За всю свою долгую творческую жизнь Лу Синь написал 33 романа, 20 из которых были о болезни и смерти, о страданиях больных и о неравнодушном отношении, о сострадании к пациентам.

В рассказе «Клич» Лу Синь (1918–1922 гг.) писал: «Мечты мои были прекрасны: окончу институт, вернусь на родину и буду облегчать муки таких больных, как мой отец, страдавших от невежественных докторов, а в случае войны – пойду служить военным врачом. И ещё я мечтал распространить среди соотечественников веру в прогресс»¹. Писатель-врач вспоминал, как он с оптимизмом смотрел в будущее, выбирая профессию, навсегда предопределившую его судьбу, связанную с обязанностью помогать страждущим. «Больше всего Лу Синя поразила полная апатия китайских зрителей, и он осознал, что лечение “идеологических болезней” гораздо важнее, чем болезней телесных» [9, с. 23].

Профессия сформировала оптику писателя-врача: в прозе Лу Синя медицинская тема доминирует, среди героев его произведений часто встречаются врачи, пациенты или сострадающие им близкие – создаётся впечатление, как будто весь Китай превратился в большую больницу.

В своих произведениях Лу Синь создал образы людей с изменённым, поражённым болезнью сознанием. Например, сумасшедший в рассказе «Записки сумасшедшего» или сельская женщина с появившимся психическим расстройством Сян Линьсао в рассказе «Моление о счастье» и т. д. Лу Синь описывает страдания больных

¹ Лу Синь. Записки сумасшедшего // Лу Синь. Полное собрание сочинений (鲁迅文集): в 18 т. Т. 1. Пекин: Народная литература. 2005. С. 472.

людей, показывает, как переживание физической боли меняет людей, деформируя их психику и искажая болью весь окружающий их мир (произведения «Завтра», «Снадобье» и др.).

Часто герои Лу Синя не осознают свою болезнь, не считают, что нуждаются в медицинской помощи и стараются функционировать с изменённым больным сознанием в мире [7, с. 88].

Первый рассказ Лу Синя на разговорном языке (байхуа) – «Записки сумасшедшего» был опубликован в 1918 г. и считается одним из произведений, знаменующих начало современной китайской литературы. Главным героем выступает человек с психическим расстройством, и повествование развёртывается с точки зрения перевёрнутого мира больного человека: «Не то это собака со двора Чжао... Почему она смотрит на меня во все глаза?... Утром осторожно вышел за ворота. Выражение глаз Чжао Гуй-вэня было странным: то ли он боялся меня, то ли собирался меня погубить. Ещё человек семь-восемь перешёптывались между собою обо мне, но в то же время все они боялись, как бы я не заметил этого. И все, кого только я встречал по дороге, вели себя подобным образом. Один из них был особенно злым; увидев меня, он рассмеялся во весь рот. Меня с головы до пят пронизала холодная дрожь...»¹. Искажённый мир глазами психически больного человека, конечно, оформляется в художественном тексте сообразно псевдологике, однако за хаотично скачущей мыслью сумасшедшего скрывается смысл. Если сравнить описание мышления сумасшедшего у Лу Синя с произведением Гоголя (с тем же названием «Записки сумасшедшего»), можно понять, что герой Гоголя – Аксентий Иванович Поприщин – маленький человек, мечты которого разбиваются о грубую реальность. Он не может сопротивляться обществу, не может принять отношения в обществе и сходит с ума. А персонаж Лу Синя – интеллекту-

ал, который протестует против «заветов феодализма», против традиционных ненавистных ему нравственных понятий и устоев, не может противостоять общепринятым нормам и сходит с ума [8, с. 11].

Душевнобольной герой опасается людоедов, которые, как ему кажется, окружают его повсюду. Его могут уничтожить не только физически, но и морально – на уровне убийства личности. Он рассуждает о людях: «Раз они могут есть людей, значит, могут съесть и меня. Подумайте только! Крик женщины «искусая тебя», хохот людей с тёмными лицами и оскаленными клыками, разговор арендатора с братом – неспроста всё это. Слова женщины – яд, хохот людей – ножи, зубы у них белые, острые, хищно оскаленные, будто нарочно приспособленные, чтобы есть людей»². В его «перевёрнутом» мире люди преследуют друг друга, нападают, желая уничтожить тело и душу человека.

По мнению автора, именно сумасшедший своим искажённым зрением может увидеть истинную природу жестоких людей, их желание «есть людей», поэтому душевнобольной герой опасается внешнего мира, видя в окружающих постоянную угрозу. «Любое дело начинаешь понимать, лишь когда его всесторонне изучишь. В старину часто ели людей: это я помнил из истории, правда, смутно. Чтобы убедиться, раскрыл книгу по истории, в книге не было дат, зато каждая страница изобилвала словами «гуманность», «справедливость», «мораль» и «добродетель». Уснуть я всё равно не мог и глубоко за полночь очень внимательно читал книгу, как вдруг увидел, что между строками вся она испещрена одним словом – “людоедство”»³. Наносной гуманизм и доброта лживого мира исчезают под пристальным взглядом «сумасшедшего», сквозь строчки проявляется истинная сущность мира – людоедство. Безумец Лу Синя – не настоящий сумасшедший, т. е. не безумец с точки зрения психиатрии [3, с. 91]. «Безумие» героя возникает из-за пробуждения сознания, он начинает понимать

¹ Лу Синь. Записки сумасшедшего // Лу Синь. Полное собрание сочинений (鲁迅文集): в 18 т. Т. 1. Пекин: Народная литература. 2005. С. 516.

² Там же. С. 471.

³ Там же. С. 516.

истинную суть вещей, истинную природу людей, и это прозрение выглядит со стороны странно, окружающими он воспринимается как сумасшедший.

В начале рассказа «Записки сумасшедшего» автор пишет: «Повествование было весьма путаное, отсутствовала последовательность в изложении, встречалось множество бессвязных слов; не были представлены ни месяц, ни число, и только по разнице в цвете туши, по почерку можно было заключить, что дневник написан не в один раз»¹. Окружающие люди постепенно убеждаются в его безумии, проводя границу между миром здоровых людей и перевёрнутым миром психически больного пациента. А когда сумасшедший раскрывает жестокую правду о «людоедстве» как истинной природе людей, противоречие между двумя мирами достигает кульминации.

Когда старший брат пригласил доктора Хэ осмотреть больного, сумасшедший воспринял этот визит как угрозу, приход врача, казалось ему, подтверждал его догадку о всеобщем «людоедстве». Противоречие между двумя мирами формируется на уровне: «есть людей или быть съеденным», но на самом деле это моральный конфликт «перевёрнутого» мира.

Заключение

Тема изображения состояния психически больных пациентов в произведениях русских и китайских писателей-врачей исследована недостаточно полно, однако она заслуживает особого внимания, ведь взгляд психически больного на окружающий мир позволяет автору подчеркнуть уродливое, бесчеловечное устройство мира реального.

Среди существующих научных исследований творчества А. П. Чехова и Лу Синя тема изображения перевёрнутого мира психически больных не часто оказывалась в центре внимания учёных, ведь отсутствие медицинского образования не позволяло

понять и достаточно полно проанализировать поведение и внутреннее состояние сумасшедших. Однако представляется, что в творчестве писателей-врачей тема изображения психически больного героя очень важна, ведь его деформированное сознание становится зеркалом, отражающим человеческие отношения, меру людского сострадания к близким и чужим, попытку человека найти гармонию с собой и окружающими людьми.

Метафора сумасшествия и противопоставление двух миров – естественного и «перевёрнутого» – в произведениях писателей-врачей Чехова «Палата № 6» и Лу Синя «Записки сумасшедшего» посредством изображения психики больных пациентов помогает показать уродливое устройство окружающего мира. Чехов и Лу Синь – писатели-реалисты, но их профессиональный интерес к психическому состоянию человека на грани нормы и безумия позволяет раскрыть острые социальные проблемы, разоблачить уродливый реальный мир в сравнении с перевёрнутым миром сумасшедшего.

В повести «Палата № 6» Чехов использует метафору: вся Россия – больница для душевнобольных, в которой честные и умные люди оказываются сумасшедшими, а в рассказе «Записки сумасшедшего» Лу Синь использует метафору «людоедство» для описания моральных норм, принятых в человеческом обществе. Оба героя вовсе не сумасшедшие, но добрые и тонко чувствующие люди, их безумие – бунт против враждебного человеку мира.

Две разные эпохи создали двух великих писателей-врачей с похожими профессиональным взглядом на жизнь и литературное творчество, «оба писателя используют свои медицинские знания как инструмент, это помогает им и при художественном изображении действительности» [2, с. 201]. Однако между ними существует много различий – Чехов внимательно наблюдает за обществом и анализирует жизнь с точки зрения врача, а Лу Синь использует литературу как способ пробуждения спящих и покорных китайцев во времена войны,

¹ Лу Синь Записки сумасшедшего // Лу Синь. Полное собрание сочинений (鲁迅文集): в 18 т. Т. 1. Пекин: Народная литература, 2005. С. 432.

критикуя яркие черты национального характера и мечтая о возрождении Китая.

Таким образом, в творчестве писателей-врачей можно выделить общие типологические черты: опыт изучения медицины и профессиональная врачебная практика влияют на выбор тем художественных произведений и на стилистические приёмы. Профессиональный опыт позволяет с удивительным правдоподобием изображать искажённое сознание больных лю-

дей, перевернутый мир деформированного сознания, подчёркивая призрачную грань здоровья и болезни, жизни и смерти. Описания страданий больных людей и выполняющих свой долг профессиональных врачей позволили писателям поставить острые социальные вопросы в контексте гуманизма и сострадания, внимания к ценности хрупкой человеческой жизни.

Статья поступила в редакцию 28.03.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берковский Н. Я. Чехов. От рассказов и повестей к драматургии // Русская литература. 1965. № 4. С. 21–63.
2. Жоу Ши. Тема медицины в творчестве А. П. Чехова и Лу Синя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2015. № 4. С. 191–201.
3. Ли Аньци. Образ сумасшедшего в творчестве Н. В. Гоголя и Лу Синя // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 3. С. 85–93.
4. Мирский М. Б. Доктор Чехов. М.: Наука, 2003. 238 с.
5. Скафтымов А. П. О повестях А. П. Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М.: Художественная литература, 1972. С. 381–404.
6. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / пер. И. К. Стаф. М.: АСТ, 2019. 698 с.
7. 王明睿: 《《狂人日记》的语言及其颠倒空间》, 鲁迅研究月刊, 2018年第11期, 第 87–92 页。(Ван Минжуй. Язык «Записок сумасшедшего» и пространство его «обращения» // Ежемесячный журнал исследования творчества Лу Синя. 2018. №11. С. 87–92).
8. 华浩波: 《鲁迅《狂人日记》受外来影响及创新》, 文教资料, 2010年第4期, 第11–13 页。(Хуа Хаобо. Об инновации и влиянии иностранных литератур на «Записки сумасшедшего» Лу Синя // Культурно-просветительный материал. 2010. № 4. С. 11–13).
9. 董炳月: 《鲁迅留日时代的俄国投影》, 鲁迅研究月刊, 2009年第12期, 第19–30页。(Дун Бинъюэ. Русские впечатления Лу Синя во время пребывания в Японии // Ежемесячный журнал исследований творчества Лу Синя. 2009. № 12. С. 19–30).

REFERENCES

1. Berkovsky N. Ya. [Chekhov. From Stories and Novellas to Dramaturgy]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1965, no. 4, pp. 21–63.
2. Zhou Shi. [The Theme of Medicine in the Works of A. P. Chekhov and Lu Xun]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2015, no. 4, pp. 191–201.
3. Li Anqi. [Image of Madman in N. V. Gogol's and Lu Xun's Works]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 2020, no. 3, pp. 85–93.
4. Mirsky M. B. *Doktor Chekhov* [Doctor Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 238 p.
5. Skaftymov A. P. [About the Stories of A. P. Chekhov “Ward no. 6” and “My Life”]. In: Skaftymov A. P. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisatelej* [Moral Quests of Russian Writers]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1972, pp. 381–404.
6. Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique (Rus. ed.: Staf I. K., transl. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu*. Moscow, AST Publ., 2019. 698 p.).
7. 王明睿: 《《狂人日记》的语言及其颠倒空间》, 鲁迅研究月刊, 2018年第11期, 第87–92 页。[Van Miniui. The Language of “Notes of a Madman” and the Space of Its “Treatment”. In: *The monthly survey of Lu Xun's works*, 2018, no. 11, pp. 87–92].
8. 华浩波: 《鲁迅《狂人日记》受外来影响及创新》, 文教资料, 2010年第4期, 第11–13 页。[Hua Hao. About Innovation and the Influence of Foreign Literatures on “Notes of a Madman” of Lu Xun. In: *Cultural and educational material*, 2010, no. 4, pp. 11–13].

9. 董炳月：《鲁迅留日时代的俄国投影》，鲁迅研究月刊，2009年第12期，第19–30页。[Dong Binh. Lu Xin's Russian Impressions During His Stay in Japan. In: *The monthly survey of Lu Xin' works*, 2009, no. 12, pp. 19–30].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Нин Шилэй – аспирант по совместной подготовке Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне и МГУ; аспирант кафедры истории русской литературы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: ningshilei91@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ning Shilei – Postgraduate Student, Joint program of Shenzhen MSU-BIT University and MSU; Postgraduate Student, Department of the History of Modern Russian Literature and Modern Literary Process, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: ningshilei91@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Нин Шилэй. Перевернутый мир психически больных пациентов в изображении русских и китайских писателей-врачей (на материале произведений А. П. Чехова и Лу Синя) // Отечественная филология. 2024. № 2. С. 94–102.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-94-102

FOR CITATION

Ning Shilei. The Inverted World of Mentally Ill Patients Depicted by Russian and Chinese Doctor-Writers (Based on the Works of A. P. Chekhov and Lu Xin). In: *Russian Studies in Philology*, 2024, no. 2. pp. 94–102.

DOI: 10.18384/2949-5008-2024-2-94-102